

ИВАН ПЕРЕВЕРЗИН

НАШ ВЕЛИКИЙ ГЛАЗУНОВ*

Повесть о друге

1

Говорить с Глазуновым Ильёй Сергеевичем всегда интересно, поскольку трудно найти, не побоюсь сказать, такую гуманитарную область, которую бы он не знал и не разобрался бы в ней основательно. Особенно в живописи, зодчестве, философии, истории и литературе.

В самом начале нашего с ним знакомства я пытался записывать в своём дневнике почти всё, о чём мы с ним говорили в наших долгих, часто затягивающихся за полночь беседах. Потом понял, что всё сказанное им настолько убедительно, так объёмно и исполнено такой огромной душевной силы, что глубоко и надёжно западает в мою память, и теперь – записывай, не записывай – оно никуда до самой смерти моей не денется...

И действительно, стоит только слегка напрячь память в отношении того или другого эпизода нашей с ним встречи, как тут же, словно по команде свыше, я не только начинаю слышать речь Глазунова Ильи Сергеевича, но и явственно видеть всё, о чём он мне говорил! Время покажет: правильно я поступил или нет, перестав вести свой дневник, но всё же, на всякий случай, я в помощь своей памяти взываю к милости Божьей.

Но странное дело, оставив в покое дневник, я получил в наших последующих беседах лёгкость полёта и глубину мысли, полную свободу в выражении высоких чувств. Я прекрасно понимаю, что это не заслуга моего разума, а ещё одно явственное проявление силы воздействия на моё мировоззрение и душу великого человека, каким, безусловно, является мой наставник и друг.

Мы, современники Глазунова, в ответе за будущее нашего Великого Отечества и должны не завтра, а именно сегодня оценить и сохранить в сердцах своих всё великое, созданное художником за долгую, трудную и потому двойне достойную жизнь, не забывая при этом ни в коей мере и о нём самом как о человеке.

2

Начав собирать современную классическую живопись, я понимал, что моё собрание будет неполным без портрета Ильи Сергеевича, написанного одним из лучших его учеников. Обратился к одному, второму, третьему, и все, как сговорившись, соглашались, что, действительно, портрет необходим, но с виноватой улыбкой вежливо отказывались от заказа. Я для себя объяснял это тем, что они, очень желая писать, ещё больше боятся: а получится ли у них верный образ великого учителя? И обижаться за это на них или, не дай Бог, винить их я не мог, поскольку помнил слова самого Глазунова, обращённые к одному из студентов его Академии: “Ты мне не глаза напиши, а взгляд! Создай человеческий или профессиональный образ портретируемого, а не копируй – для этого есть фотографы!”

* Журнальный вариант.

Однажды я зашёл к руководителю портретной мастерской Академии живописи, заслуженному художнику России Дмитрию Слепушкину, человеку широкой души, очень обаятельному, любящему больше слушать, чем говорить, а главное – талантливому. Это он написал дипломную работу о Великой Отечественной войне 1812 года “Молебен перед боем”. Более трагичной, более глубокой и в то же время более поэтичной работы о том суровом времени я не знаю! Если бы эта работа была написана одновременно с репинской “Бурлаки на Волге”, и у меня был бы выбор, то я, без сомнения, для своей галереи приобрёл бы “Молебен перед боем”.

Его же кисти принадлежит большое полотно, на котором изображено заседание преподавателей Академии во главе с ректором, Ильёй Сергеевичем Глазуновым, над которым художник работал, естественно, с перерывами, почти восемь лет, и когда закончил, то, не раздумывая, преподнёс его в дар Академии живописи! Этот благородный поступок заслуживает большого уважения ещё и потому, что я, понимая, какую художественную ценность представляет произведение, предлагал автору за эту работу совсем не малые деньги, но он наотрез отказался, хотя в то время, как доподлинно мне известно, испытывал финансовые трудности.

И вот, как обычно в гостях у Дмитрия, сев на кожаный диван, я вдруг увидел стоящий на полу напротив меня классно написанный эскиз к будущему портрету Глазунова. Он мне так понравился, что я тут же предложил художнику приступить срочно к написанию портрета Ильи Сергеевича. К моему удивлению, Слепушкин, будто всю жизнь только и ждал именно этого моего заказа, сразу согласился. Тут же в мастерской мы согласовали размер, оговорили гонорар, и я ушёл счастливым.

Но ректор Академии не был бы ректором, если бы не знал, что пишут его ученики, пусть давно уже ставшие под его широким крылом уважаемыми преподавателями и большими мастерами. И когда я зашёл к нему в очередной раз в гости, он спросил меня:

– Иван Иванович, а правда, что вы заказали Слепушкину мой портрет?

– Так точно, заказал!

– А нельзя ли сделать так, чтобы вы заказ свой передали для исполнения моему сыну Ивану?

Честно говоря, от такого предложения я пришёл в замешательство, ибо был уверен в мастерстве Слепушкина, а вот в молодом Глазунове – не совсем. И в то же время, понимая отцовские чувства Ильи Сергеевича, не хотел его расстраивать.

Делать нечего, иду к руководителю портретной мастерской и, как на духу, всё ему рассказываю. Он меня понимает, но по его вдруг ставшим печальными глазам я вижу, что художник обиделся. Тысячу раз извиняюсь перед ним и ухожу, как побитая собака. Вечером звоню молодому Глазунову, кстати, автору портретов всех русских царей и императоров, которые украшают один из главных залов в Кремле:

– Иван Ильич, ваш отец хочет, чтобы его портрет для моего собрания написали вы. Что вы думаете по этому поводу?

– Я согласен, но при условии, что напишу даром!

– Это ваше право. Только, прошу, не тяните с выполнением заказа.

Жизнь шла своим чередом, неделя проходила за неделей, а известий о том, как пишется портрет, да и пишется ли вообще, ни от Ивана Ильича, ни от самого Ильи Сергеевича я не получал. Не выдержав, при встрече с Глазуновым задаю вопрос:

– А как портрет-то? Готов – нет?

– Какой портрет? Напомните!

– Да ваш, забыли, что ли?

– Ах, вспомнил! Ну, лучше бы вы о нём не напоминали!

– Что такое?

– Судите сами! – и, подойдя к стене, Илья Сергеевич повернул один из холстов ко мне лицевой стороной.

Внимательно вглядываюсь в почти законченную работу, про себя отмечая, что она, к сожалению, не удалась, но вслух предпочитаю ничего не говорить, надеясь, что портретируемый всё объяснит сам. Так и получилось.

– Иван Иванович, что молчите?! А, впрочем, говорить, и правда, нечего... Иван Ильич, к сожалению, в работе, как и в жизни, продолжает видеть

во мне только состарившегося, но любимого отца... А вам-то нужен образ художника! Или я не прав?

– Совершенно правы, — отвечаю я и с горечью думаю: “А Слепушкин бы справился. Как теперь быть, право, и не знаю”.

Прошло несколько лет. За это время, конечно же, у Дмитрия Слепушкина от обиды и след простыл. И как-то, забирая у него в мастерской очередную купленную работу, я нагло говорю:

– Дима, друг, а гения-то надо написать во что бы то ни стало!

– Эх, Иван Иванович, ну, куда же от вас денешься, попробую...

И он попробовал, да так, что когда я приехал к нему в мастерскую и увидел законченный портрет, то восхищенно сказал:

– Дима, да это же не портрет, а самая настоящая картина, правда, без сложного сюжета, но всё равно, ещё раз повторяю, картина! Ну, и молодец, ну, и мастер!

– Старался, Иван Иванович! Ведь заказ-то — особенный, и для меня не менее, чем для вас, дорогой!

Я знал, что художник не кривит душой, ибо не раз был свидетелем сыновьего отношения ученика к своему кумиру!

Картина изображает великого мастера, который совсем недавно закончил работу над “Венецианским адажио”, об этом свидетельствует палитра с невысохшей краской, лежащая на подставке. И вот он утром, перед тем как ехать в Академию, подчиняясь душевному зову, решил свежим взглядом посмотреть работу: всё ли написано верно? Убедившись, что ничего поправлять не надо, сел спиной к полотну, закурил любимую сигарету и глубоко задумался. Над чем? Конечно же, как любой настоящий мастер, над новой работой, поскольку самая лучшая картина — это та, которая ещё не написана! Вот такой сюжет...

3

Говорить о Глазунове-художнике без учёта его гражданской позиции — бесперспективно, ибо художник ещё и человек, горячо, беззаветно любящий всё национальное, все русское — от глубокой древности и до наших дней. И без этого мастер никогда бы не раскрылся во всю свою великую, я бы сказал, духовную мощь! Как-то в одной из телевизионных передач, куда его неожиданно пригласили, он заявил: “Русский тот, кто любит Россию!” В передаче, где большинство спорящих было явно настроено против художника, не нашлось ни одного человека, который решился бы этому высказыванию что-либо противопоставить. Да и как? Ведь ёмче и в то же время глубже формулы братских отношений между народами нашего многонационального Отечества просто быть не может!

“Неожиданно пригласили” я сказал не зря, ибо отечественное телевидение да и печатная пресса тоже не очень-то расположены доносить до массового зрителя, а верней — до глубинного, корневого русского народа исполненные глубокой любви и веры в будущее проникновенные, а часто и просто пророческие слова великого сына России. Тут нельзя не вспомнить другого русского патриота — Александра Солженицына! Когда он возвращался через всю страну в столицу, почти каждый телевизионный канал считал своим долгом начинать новостные выпуски с того, где остановился, с кем встречался, что говорил по тому или другому вопросу всемирно известный писатель. По прибытии в Москву его даже пригласили вести авторскую передачу на одном из центральных государственных телеканалов.

Но стоило патриоту земли русской заговорить о необходимости проведения в жизнь реформ, крайне важных для народа, в первую очередь, живущего на земле и кормящегося и кормящего всех, реформ, начало которым положил ещё в начале прошлого столетия Сергей Юрьевич Витте, а подхватил и стал развивать дальше, вплоть до гибели от рук врагов России ещё один великий патриот — Пётр Аркадьевич Столыпин, который, выступая в Государственной думе 10 мая 1907 года, заявил в адрес противников русской государственности: “...Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия”. Солженицына, наплевая на его мировую славу, новые враги России сразу же отлучили от всероссийского эфира. Горько и больно. Но ещё больше — стыдно.

Илья Сергеевич всегда держался в стороне от политики, никогда не стоял ни в одной партии. Он считает, что художник должен быть свободным в своём выборе, никакие, в том числе идеологические, рамки не должны стеснять творческий полёт его мысли. И всё-таки, как в случае с написанием дипломной работы, он не смог не высказать своего отношения к расстрелу Белого дома в 1993 году. С присущей всем его картинам глубокой исторической ли, современной ли правды, он и на этом полотне показал всё, что на самом деле происходило в те суровые октябрьские дни. Показал настолько сильно, что когда в Большом манеже проходила его очередная персональная выставка, сам тогдашний президент страны не мог не посетить её.

Художник об этом рассказывает так:

“Приезжает Борис Ельцин в сопровождении огромной свиты министров, помощников. Естественно, о высоком визите я был предупреждён заранее и потому вышел встречать важных гостей на улице. После официальных двусторонних приветствий стали смотреть выставку: я с Борисом Николаевичем – впереди, свита – сзади, но почти вплотную к президенту. Чем ближе мы подходили к мятежной картине, на которой изображены известные трагические события, тем свита стала всё дальше отставать. Подходим к самому полотну, Ельцин смотрит на него, и я по глазам вижу, что возмущение, готовое превратиться в бунт, поднимается в его душе. И всё же президент берёт себя в руки и лишь напряжённым, немного хрипловатым голосом спрашивает:

– А это что такое? Что вы хотите этим сказать, понимаешь?..

Конечно, Борису Николаевичу хватило одного взгляда на картину, чтобы всё правильно понять! Но найти выход из очень непростой ситуации он предложил мне самому. Но что можно было сказать, чтобы проходящая с таким фурором выставка высочайшим распоряжением не была закрыта, если на полотне танки с моста прямой наводкой, чуть ли не в упор, на глазах всего мира расстреливают удерживаемый народными избранниками Белый дом, который от взрывов снарядов вспыхивает: из окон жадными языками вырывается пламя и чёрными клубами, всё больше закрывая небо, валит и валит дым! Народ, радостно принявший порядки так называемой демократии, толпами, чуть в стороне от военных машин, изрыгающих смерть и ужас, с моста восхищёнными глазами прямо-таки любителю распятием законной власти! И всё же я не растерялся и, не моргнув глазом, отвечаю:

– “Торжество демократии”! Картина так и называется!

– Ну, если в таком плане рассматривать ваше больно уж суровое произведение, то работа неплохая... Хотя...

И, не договорив, пошёл дальше. Свита, мгновенно сообразив, что зря ожидала бури, тут же с воодушевлением подобострастно снова пристроилась почти вплотную к спине президента”.

Глазуновская персональная выставка действительно вызвала самый настоящий фурор, если не сказать больше. Люди из провинции целыми поездами съезжались в столицу и спешили к Большому манежу, не отставали от них и горожане. У входа выстраивались длинные многочасовые очереди, опоясывающие всё огромное выставочное здание.

Когда я подошёл к Манежу и увидел всё своими глазами, то невольно подумал: “Прямо, как в советское время к Мавзолею Ленина!” И, отстояв очередь, счастливый вошёл в здание. Первое, что бросилось в глаза: люди, восхитившись картинами мастера, становятся теперь уже в очередь к столам, на которых лежат специальные альбомы, куда каждый желающий мог записать свои впечатления, в подавляющем большинстве – благодарственные, с пожеланиями художнику здоровья и новых творений! А когда я выходил, то передо мной шли несколько женщин и восторженно между собой делились впечатлениями от увиденного. Одна из них произнесла: “Знаете, подруги, я как будто глотнула свежего, очищающего лесного воздуха! Замечательно! А как правдиво!”

Не потому ли по воле свыше для того, чтобы выстоять в грядущей жизненной борьбе, и начинался путь будущего национального гения, ох, как не просто! Заканчивая в Ленинграде Академию живописи имени Репина, он для своей дипломной работы выбрал тему войны, её тяжелейших первых месяцев, когда Красная Армия, несмотря на кровопролитные бои, в которых несла многочисленные потери, всё отступала и отступала!

Картина “Дороги войны” удалась! Я и сегодня считаю её одной из лучших работ Глазунова. Но тогдашнему руководству Академии она показалась слишком

уж смелой и никак не вписывающейся в идеологические рамки того времени. Как можно изображать на полотне измождённые лица солдат отступающих войск, растерянные, печальные глаза беженцев – на фоне полного господства в небе вражеской боевой авиации, зная, что, пусть через четыре года кровопролитных сражений, Красная Армия победоносно закончила войну в самом сердце гитлеровской Германии – в Берлине, водрузив красное знамя над Рейхстагом!

Руководство Академии дипломную работу молодого Глазунова признало чуть ли не вредительской. Но всё же ему позволили защититься в закрытом формате. И, так сказать, от греха подальше автора шедевра по распределению отправили, как в ссылку, в глубинку простым преподавателем черчения в одну из сельских средних школ. Понятно, сослать можно даже и туда, куда Макар телят не ганивал, но заставить художника замолчать, не заявлять о себе, скрыть Божий дар – невозможно. Рано или поздно о нём заговорят, он будет востребован. К счастью, так и случилось.

Многие художники, не получая серьёзных заказов на эпические многосюжетные картины, в прошлом зарабатывали созданием натюрмортов, пейзажей, портретов. Не избежал этой участи и молодой Глазунов. Но он не стал разбрасываться по жанрам, а сфокусировал в основном своё внимание на портретах современников. Портреты получались настолько выразительными, так достоверно передавали взгляд, душу человеческую, что весть о новом выдающемся мастере в течение нескольких лет разлетелась по всему миру.

И в адрес партийного и советского руководства пошли заказы от президентов, королей, министров зарубежья: все жаждали, чтобы их портреты написал Глазунов. И тогдашним властям ничего не оставалось, как вызвать из провинциальной глуши восходящую звезду живописи.

Так, обладая с рождения трудолюбием, помноженным на громадный талант, начинался художник Глазунов. Государство Российское приобрело в лице Ильи Сергеевича художника-летописца с мировым именем!

4

Часто вспоминается, как несколько лет спустя после нашего знакомства я по обычаю вечером приехал в гости, так сказать, на огонёк, к мастеру. На улице стояла поздняя осень с первыми утренними заморозками по закрайкам стеклянных луж, образовавшихся от обложных, мелко, но нудно и долго сеющих дождей; наполовину лужи были заполнены опавшей листвой, застелившей дорожки в парках и аллеях мягким, слегка влажным золотом. А оставшиеся на ветвях листья продолжали, трепеща на промозглом ветру, как маленькие птички сердца, самоотверженно цепляться за свою короткую, но яркую жизнь на ветках берёз, кленов и тополей.

Добродушный хозяин встретил меня в прихожей, помог снять лёгкую непромокаемую куртку и сразу же провёл в мастерскую на второй этаж. Там охотно показал свои новые работы, из которых мне особенно понравилась картина “Закат Европы”. Я и сегодня отношу её к десятку самых честных, самых актуальных и, конечно, самых высокохудожественных сюжетных поздних полотен мастера. После, так сказать, официальной части Ильи Сергеевич отошёл к одной из свободных от картин стен, закурил сигарету и спокойно смотрел, как я, понятно, с его великодушного одобрения рассматриваю друг за другом прислонённые к стене картины, написанные ранее. Вдруг мне на глаза попало одно из моих любимых полотен, но не подлинник, а авторская копия, – “Венецианское адажио”, – где на фоне высоких, вырастающих, как громадные волны из морской глубины, каменных домов с узкими, но высокими окнами с раскрытыми нараспашку узорчатыми, красочными ставнями в высоком южном небе плывут подсвеченные полуденным солнцем знаменитые глазуновские всполохи облаков. А у открытого окна сидит молодая красивая женщина – жена и Муза мастера. Илья Сергеевич, заметив мой восхищённый взгляд, обращённый на любимое полотно, нарушил молчание:

– Это я написал на заказ бывшему, очень богатому и высокопоставленному чиновнику одной из южных стран СНГ, но, к сожалению, его на родине убили в каких-то ли политических, то ли экономических разборках, вот работа и осталась...

– Илья Сергеевич, если не секрет, то, пожалуйста, скажите, сколько вам за эту работу денег обещали? – с нескрываемым любопытством спросил я.

– С удовольствием скажу, тем более что у меня от друзей секретов не бывает, – сто пятьдесят тысяч американских долларов! А что, Иван Иванович, вам действительно работа очень по душе?

– Не скрою, по душе.

– Так купите её!

– Илья Сергеевич, ну, что вы такое говорите! Откуда у меня могут быть такие деньги! Конечно, я не беден, но и не настолько богат!

– Хорошо, дайте за неё столько, сколько вам позволяет бюджет...

– В настоящее время у меня вообще свободных денег нет!

– Ну, Иван Иванович, в таком случае я вам её дарю. Берите – она ваша.

– Илья Сергеевич, я премного благодарен вам, но такого щедрого подарка принять не могу, не обижайтесь.

– Как не можете принять? Вы что, мне не друг?

– Извините, но пока назвать себя вашим другом никак не могу, – твёрдо сказал я и посмотрел в глаза мастера. В них легко читалась не обида, а оторопь и удивление. Но через несколько мгновений, придя в себя, он голосом, почти перешедшим в шёпот, спросил:

– Если, оказывается, вы мне не друг, то тогда кто же?!

Поняв по тону, что всё-таки обидел мастера, я примиряюще, с доброй улыбкой как можно вежливей ответил:

– Илья Сергеевич, в настоящее время я один из самых преданных почитателей вашего таланта. Пройдёт ещё какое-то время, и оно, как самый беспристрастный судья, безошибочно определит, кем мы с вами на самом деле являемся друг для друга.

Художник внимательно выслушал меня, и так как ответ, видимо, пусть не совсем, но всё же удовлетворил его, подводя черту под внезапно вспыхнувшим между нами спором, попросил меня пройти в гостиную на ужин. Гостиная была спроектирована, как и весь дом, вплоть до многорожковой позолоченной люстры, самим хозяином и представляла собой довольно простое помещение прямоугольной формы, с высокими потолками, украшенными выполненной в классическом стиле лепниной, с двумя большими окнами, выходящими во двор, где чуть в отдалении переливались золотом в скупых осенних лучах неяркого солнца маковки и кресты небольшой, но на удивление красивой церкви. Посередине гостиной стоял большой, из дорожного дерева, продолговатый с закруглёнными углами стол, одна половина которого обычно накрывалась к обеду или ужину.

В этот раз, как почти и во все предыдущие, на второе подали свежего, приготовленного на гриле норвежского лосося, к которому в качестве гарнира были предложены так же запечённые на гриле помидоры. Илья Сергеевич сам давно уже ни грамма не пьёт, но знает, что я никогда не откажусь от прекрасного армянского или французского коньяка. Поэтому на столе, ближе к моему месту, уже заранее была поставлена бутылка “Хеннеси” с коньячной рюмкой. Сев за стол, я всё же попросил ещё одну рюмку и, когда её принесли, поставил перед мастером, плеснув в неё немного коньяку, ну, а потом и себе. Весь ужин Илья Сергеевич, подперев левой рукой подбородок, как-то уж слишком откровенно смотрел, я бы даже сказал, вглядывался в меня, словно пытался взором проникнуть в самую глубь души моей. А я, с удовольствием попивая коньяк и поедая вкусного норвежского лосося, старался ему не мешать. Разговор сам не заводил, а лишь отвечал на те вопросы, которые время от времени задавал художник. Вдруг в самом конце ужина он, зашувив в блюдце с водой очередную сигарету, произнёс:

– А я знаю, Иван Иванович, что вам подарить, – я напишу ваш портрет!

Я мог ожидать чего угодно, только не этого! Великий портретист, кисти которого принадлежат портреты многих выдающихся людей современности, будет писать меня, простого русского поэта?! От такого предложения я чуть не поперхнулся. Однако, откашлявшись, ответил:

– Илья Сергеевич, я знаю, что самая низкая цена, за которую вы соглашаетесь писать портрет, равна пятидесяти тысячам долларов. У меня такой суммы нет и в ближайшем будущем не предвидится, но если всё-таки когда-нибудь я разбогатею, то обязательно вам попозирую! А пока второй раз за сегодняшний вечер благодарю вас за столь трогательную и высокую заботу, которую вы с таким радушием проявляете к более чем скромной моей персоне.

– Иван Иванович! Ну, как вы не поймёте, что с друзьями деньги за портреты я не беру! А вас хочу написать как одного из талантливых современных поэтов, портрет которого должен занять достойное место в Государственном музее! Извините, но я, в первую очередь, всё же думаю о России! И вам, мой дорогой, надлежит всегда и во всём непременно мыслить и жить только в такой последовательности!

В этот раз я приехал к Глазунову на своей машине без водителя. Ужин закончился глубокой ночью. Домой возвращался я по Беговой улице. Но в самом конце широченного моста увидел с левой стороны совместный пост ГАИ и медиков. Дорожное полотно было совершенно пустое – спрятаться за какую-либо автомашину нет никакой возможности. Расстроено подумав: “Будь что будет!” – сворачиваю на первую полосу – и тут же вытянутая рука милиционера со светящейся в темноте палочкой останавливает меня.

– Сотрудник ГАИ капитан Петров! Предъявите, пожалуйста, документы, а сами пройдите в медицинскую машину.

Пригнувшись, вхожу в микроавтобус, сажусь напротив человека в белом халате. Он сразу же записывает мою фамилию в какую-то тетрадь и просит дунуть в ненавистную всем российским водителям трубочку. Дую, врач смотрит, куда следует, и, удивленно вскинув брови, просит дунуть ещё раз, только сильнее. Дую во второй раз – результат тот же, так сказать, нулевой... Врач пристально смотрит мне в глаза и, конечно, видит, что они осоловелые. Это придаёт ему уверенности, и он в третий раз проделывает со мной ту же процедуру. Но опять по показателям трубочки получается, что я трезв, как стёклышко! Тогда доктор сочувственно спрашивает:

– Вы, случайно, не переутомились?

– Очень, доктор! Слишком тяжёлым был для меня весь день, да и вечер – тоже...

Выглянув из машины, врач просит инспектора вернуть мне водительские документы. Тот возвращает и желает счастливого пути!

“Ох, Илья Сергеевич, дорогой мой человечиче, вы, оказывается, не только пишете гениальные картины, но каким-то чудесным образом, как Христос обыкновенную воду в прекрасное вино, превращаете истейший коньяк в безалкогольный напиток... Фантастика, да и только!” – подумал я со счастливой улыбкой на губах, отъезжая от грозного поста.

5

Решение Ильи Сергеевича написать мой портрет имело своё продолжение. На дворе стояла сумрачная, как бы насупившаяся январская погода, время самых коротких дней. Город, словно непроницаемым панцирем улитки, был накрыт сплошными тёмными, волглыми тучами, в которых из-за полного безветрия никак не образовывались прогалы, чтобы солнце хотя бы на час-другой получило возможность озарить землю своими животворными лучами. Снег, то усиливаясь, то затихая, всё сыпал и сыпал. Дорожные службы города с ним не справлялись, и все улицы за какую-то неделю превратились в сплошные сугробы, в которых бульдозеры и грейдеры на проезжей части прорезали что-то вроде туннелей. Но из-за того, что многие автолюбители, не имея возможности ставить машины на специальные стоянки, бросали их прямо на дороге, напротив домов, где проживали, туннели получались очень узкие, и, как следствие этого, сплошные многокилометровые пробки делали передвижение на автомашинах по городу почти невозможным.

Накануне старого Нового года я всё же рискнул выехать в центр за покупками, подъехал к Петровскому пассажи, кое-как припарковал машину, но когда решил возвращаться, не мог даже тронуться с места – настолько плотно забилась улица. А бесполезный, но всё усиливающийся сигнальный гул давил на барабанные перепонки, чуть ли не сводя меня с ума. Простояв полчаса, я бросил машину, спустился в метро и уже через двадцать минут был дома. Машину с помощью знакомого водителя вызволил только глубокой ночью.

В один из таких январских дней позвонил Илья Сергеевич и попросил меня на ближайшие выходные дни ничего не планировать – он будет писать мой портрет. Последовавшие за этим с моей стороны бурные возражения были им самым решительным образом отменены. Делать было нечего, оставалось лишь готовиться к позированию, но я подумал: “Как же это он будет писать,

если зимний дневной свет настолько слаб, что не проникает через окна дальше половины комнаты? Может, при электрическом свете? Ладно, приеду – увижу”. И стал готовиться. Долго решали с женой, какой костюм надеть, чтобы выглядеть попримечней. Остановились на чёрном с едва заметными синими полосками, в тон к нему подобрали галстук.

К указанному часу, минута в минуту, вхожу в дом Глазунова. Услышав мои приветственные слова, хозяин быстро спустился со второго этажа. Он был в рабочей одежде: в рубашке с туго застёгнутыми на запястьях рукавами, с красным шарфиком, повязанным на шее, в чёрных брюках. Окинув мой наряд оценивающим взглядом, он удивлённо сказал:

– Иван Иванович, как же неудачно вы оделись!

– Илья Сергеевич, не понял... Объясните!

– Дело в том, что у меня сложился ваш образ как поэта! А какой же поэт в выходном костюме! Но ничего – быстро снимайте пиджак с галстуком и расстегните две пуговицы на вороту рубашки.

Не знаю почему, но я продолжал стоять, лишь широко улыбаясь. Тогда Глазунов, приняв это за желание быть написанным в костюме, мгновенно решил:

– Хотите при параде?

И, не дождавшись моего ответа, продолжил:

– Значит, будем писать два портрета! Но не в мастерской, там маловато дневного света, а в гостиной – у окна.

Действительно, едва поднялись в гостиную, я увидел стоящий напротив окна мольберт с холстом, натянутым на подрамник. Рядом на небольшом столике лежала палитра и краски с кистями. Классическая музыка лёгкими волнами разливалась по комнате, создавая романтический настрой, видно, очень вдохновляющий художника.

– Иван Иванович, так как в сложившемся у меня образе поэт должен быть изображён в полный рост, то и позировать вам придётся стоя. Но не переживайте: первый сеанс займёт не больше двух часов. Встаньте рядом с холстом с правой стороны лицом к окну.

Я послушно встал, и работа закипела... Да, да, именно закипела, ибо мастер принялся, не отрывая от меня пронизательного взгляда, быстро-быстро широкими мазками наносить на холст краски. При одном очень резком движении из-под кисти вылетела струя краски и запачкала мою рубашку. Мастер этого не заметил, настолько глубоко ушёл он в образ моего портрета! Время от времени он прерывал работу, отходил на два шага в сторону от холста, внимательно смотрел то на меня, то как бы во внутрь себя, делал несколько сигаретных затяжек и опять неистово продолжал писать. Через полчаса работы Илья Сергеевич, видимо, довольный результатом своего труда, несколько сбавил темп и стал меня расспрашивать о художниках. Больше всего его интересовали те из них, кто давно закончил Академию, на кого он возлагал большие надежды, но не имел ни возможности, ни времени видеть их новые картины. Я с удовольствием посвящал учителя во все творческие свершения и даже в замыслы его бывших “гениев” – так обычно он называл лучших молодых художников. За разговором совершенно незаметно пролетело время первого сеанса. Помыв кисти и опустив их в банку с водой, Глазунов вдруг сказал:

– Иван Иванович, я обычно никому из портретируемых не показываю своей работы, пока её не закончу и не оформлю в багет, но вам как писателю, тем более – поэту, думаю, будет полезно познакомиться с процессом написания портрета целиком, поэтому, в порядке исключения, после каждого сеанса буду показывать, что у меня получается на холсте. – И тут же попросил встать рядом с ним.

Разглядывая свой наполовину написанный портрет, я поразился, что всего за каких-то два часа пусть и напряжённой работы уже вполне можно было узреть мой поэтический образ. Особенно меня поразил мой собственный взгляд, он буквально пронизывал меня насквозь, я даже невольно, как бы прячась от самого себя, внутренне съёжился! И подумал: “Когда и где мастер смог своими цепкими глазами так верно схватить, как он говорит, не глаза, а взгляд, ведь я никогда при нём не сочинял?! Чудеса какие-то!” И, конечно, я был очень доволен, что мой образ мастер видел на фоне такой любимой каждым русским человеком красавицы-берёзы, а вдалеке, за рекой, на пригор-

ке, как бы венчая его, возвышался храм с голубыми куполами и золочёными крестами.

Немного передохнув, Глазунов приступил к написанию моего другого портрета, как он выразился, *портрета мецената* – в пиджаке и с галстуком. Но когда он закончил работу, и мне было позволено посмотреть на холст, я опять пришёл в изумление, ибо с холста на меня смотрел, понятно, я, но совершенно другим взглядом, чем на *портрете поэта*. Это был взгляд человека, знающего, для чего он пришёл в этот мир! Да, конечно, Илья Сергеевич мог меня наблюдать в кругу художников, но всё равно – это было поразительно! И, в первую очередь, потому, что эти два совершенно разных образа создавались мастером почти одновременно!

Вернувшись домой, я бережно снял запачканную краской рубашку, передал жене и сказал: “Света, очень тебя прошу не стирать эту реликвию, пусть она сохранится для истории со следами краски, вылетевшей из-под гениальной кисти!”

Через две недели оба портрета были закончены. Илья Сергеевич оформил их в дорогие, красивые багеты. В них они стали смотреться ещё выразительнее. Вспомнились слова художника: “Картина без рамы, что генерал в бане”. Вернее не сказать! *Портрет поэта* по просьбе Глазунова я передал в аренду в государственный музей, носящий его имя, а второй – *портрет мецената* – повесил у себя дома в рабочем кабинете. Пусть от тех огромных духовных сил, которые вложил в него гений, я буду в трудную минуту жизни становиться ещё упорнее, ещё уверенней в достижении доброй цели!

Передавая жене Светлане рубашку со следами глазуновской краски, я знал, что более надёжного хранителя семейной реликвии мне не сыскать! Очень часто на встречу с Ильёй Сергеевичем и его женой Инной Дмитриевной со мной ездила и она. В первый же вечер они с Ильёй Сергеевичем духовно сблизились, да иначе и быть не могло! Моя жена, родившаяся в простой рабочей семье (мать – хлебопекарь, отец – токарь), с раннего детства воспитывалась в среде, где слова о Родине были не просто словами, а повседневной действительностью. Все несправедливости современной *новой жизни*, обрушившиеся, в первую очередь, на простых людей, моя жена принимала настолько близко к сердцу, что своими размышлениями обо всех горестных событиях делилась со многими, в том числе и с Глазуновым. Он даже в одном из разговоров назвал её “нашей боярыней Морозовой”. А один раз, глубоко тронутый её справедливой горячностью, сказал:

– Ах, Света – наша боярыня Морозова, ну, почему ты сама не понимаешь, что если всех господ, как местных, так и прозападно настроенных, слетевшихся, как пчёлы на мёд, на израненное кровоточащее тело России, которая обладает несметными природными богатствами, переодеть в военную форму, то будет сразу видно, что мы живём в оккупации!..

Услышав эти слова, я в душе вздрогнул, хотел было возразить, но подумал: “А как иначе охарактеризовать хотя бы ту ситуацию, которая далеко не случайно сложилась в средствах массовой информации, в первую очередь, в электронных, когда представителям неважно какой профессии, но патриотически настроенным или вообще не дают слова, как будто они и в природе не существуют, или специально обмазывают такой чёрной грязью, от которой совсем не просто отмыться!”

Конечно, будет совсем не лишним отметить, что, в конце концов, и так называемое демократическое руководство стало по заслугам воздавать живописцу и на Родине, почти с пониманием значения всего, что сотворил Илья Сергеевич Глазунов.

6

В самом центре столицы, рядом с заново построенным храмом Христа Спасителя, красуется прекрасно отреставрированное (по чертежам и эскизам самого художника) трехэтажное голубое здание государственной картинной галереи имени Ильи Сергеевича Глазунова. После долгих реставрационных, изнурительных для самого мастера работ с установкой всего необходимого технического оборудования для поддержания влажности и температуры воздуха открытие музея произошло в торжественной обстановке с участием многих государственных, церковных, общественных деятелей, при огромном сте-

чени народа 31 августа 2004 года. В большом зале под номером 2 нашли своё достойное вечное место четыре самых больших на то время полотна, эпохально рассказывающие не только о нашей богатой на судьбоносные события истории, но и о современных страшных проявлениях так называемого *дикого рынка*. А следующий зал был посвящён жизненным эпизодам художника и полотнам личного характера. В этом зале устроили банкет, где друзья и ученики Ильи Сергеевича произносили свои поздравительные речи. От речи я отказался, но прочитал стихи, которые называются “Глазунов”. Там есть строки: “. . . И Царское село, и церковь на Нерли, / и зоревой Кронштадт, и Кремль златоголовый/ художника не зря из тьмы на свет вели —/ под стать, без спора, им величье яви новой”.

Скоро и вторая очередь музейного комплекса распахнёт двери перед поклонниками творчества русского гения. Это второе здание также построено по проекту художника.

Говоря об этих музеях, надо обязательно помнить, что в качестве ответного благодарного и одновременно сверхщедрого жеста Илья Сергеевич Глазунов подарил русскому народу не только все свои основные картины, но и все до последней старинные иконы, которые он собирал и бережно хранил многие и многие годы и которые в музее заняли половину третьего этажа, являясь свидетелями всех радостей и бед русской церкви и русского государства на протяжении многих веков! Но художник пошёл ещё дальше: он подарил государству и все имевшиеся у него в собственности великие полотна художников — Жуковского, Васнецова, Врубеля, Шишкина и многих других! Всего более сорока работ! А прикладное искусство? И оно пошло в дар России! Переоценить, нет, оценить всё художественное богатство, хранящееся сегодня в глазуновском музее для будущих поколений, просто невозможно!

Эй вы, клеветники гения! Назовите мне хотя бы ещё одно имя, которое по душевной щедрости, по любви к Отечеству, к родному народу можно было бы, пусть даже и с сильной натяжкой, сравнить с ним! Не назовёте! Потому что такого просто-напросто в настоящее время в природе не существует!

Как на небосклоне русской классической поэзии солнце Александра Сергеевича Пушкина — “наше всё”, так и в российской современной классической реалистической живописи имя Ильи Сергеевича Глазунова — *наше всё* для тех, кто любит нашу многострадальную и многонациональную великую Россию.

После открытия глазуновского музея как-то вечером заезжаю в гости к хозяину “Русского посольства”, и за чаем Илья Сергеевич посетовал, что нечем торговать в киоске, устроенном сразу у входа для удобства не только любителей живописи, пришедших набраться русского патриотического духа от бессмертных полотен гения, но и для тех, у кого времени хватит только на то, чтобы заскочить в музей и купить что-нибудь из репродукций художника. Я знал, что для того, чтобы ускорить реставрационные и строительные работы и наконец-то, спустя семь лет после принятия решения о создания музея, открыть, по выражению Глазунова, *центр русского самосознания*, он все личные деньги, выручаемые за написание заказных портретов, потратил на оплату отделочных работ, покупку штор, багета для оформления картин и т. д. Кстати, только на то, чтобы приобрести багет и вставить в него более трехсот картин, ушло более тридцати миллионов рублей!

Проникнувшись озабоченностью художника, я, ни секунды не сомневаясь, предложил ему за свой счёт издать какие-нибудь репродукции. Илья Сергеевич очень обрадовался моему порыву и сказал:

— Было бы хорошо для небогатых людей — поклонников моего творчества — издать репродукции полотен в виде открыток, а ещё лучше — буклетов!

— Буклетов так буклетов! — согласился я.

И мы тут же решили, что Инна Дмитриевна, жена художника, подберёт необходимые слайды, а я найду издателя.

Назавтра звоню своему новому московскому знакомому, не только известному прозаику, но и хозяину книжного издательства “Голос” Петру Алёшкину:

— Слушай, Пётр, есть очень ответственный заказ — от самого Глазунова. Надо напечатать как можно дешевле пятьсот тысяч открыток, но объединённых в буклеты по десять штук в каждом. Берёшься за предложение?

– Охотно! Тем более что я уже раньше выпускал целый большущий альбом репродукций глазуновских картин. Только совсем дёшево не получится, поскольку цветная печать, сам должен понимать, дорогая.

– И всё-таки, я прошу тебя войти в положение людей, благодарных читателей таланта Глазунова, но совсем не богатых.

– Ладно, ладно, что-нибудь придумаем...

– Значит, можешь сразу, как составишь смету, подъехать ко мне для заключения соответствующего договора.

Через две недели я передал ему подобранные женой Ильи Сергеевича слайды. И с нетерпением стал ждать выхода из печати открыток. Месяца через два слышу в телефонной трубке довольный голос издателя Петра Алёшкина:

– Иван! Можешь бежать в магазин за бутылкой – обмывать будем только что привезённые из типографии буклеты. Кстати, куда их везти, к тебе или сразу в музей, к Глазунову?

– За добрую весть – благодарю, а обмывочный коньяк уже ждёт тебя в холодильнике. Буклеты пусть пока полежат на складе. А вот несколько экземпляров, если не трудно, привези мне на работу.

– Договорились...

Получив желанные открытки, пулей лечу домой к Илье Сергеевичу. Никогда не забуду: стоял зимний вечер, московский воздух, насквозь пропитанный выхлопными ядовитыми газами автомобилей, отравлял душу, вдыхался с трудом. Ещё несколько дней назад выпавший снег, так и не убранный, превратил тротуары в сплошной ледовый каток. Каждый шаг по нему давался с трудом, многие пешеходы, особенно пожилые, поскользнулись и падали. Небо, затянутое промозглыми чёрными тучами, грозило новым снегопадом. Ветер если и налетал, то ненадолго. А вот вороны противно, скрипуче и неустанно каркали с утра до ночи по всем городским паркам и дворам.

Илья Сергеевич, видать, тоже с нетерпением ожидавший исполнения моего обещания, двери открыл сам и, дождавшись, пока я разденусь, сразу же повёл меня на второй этаж, в гостиную. Там движением руки указал на стол:

– Иван Иванович, дорогой! Раскладывайте скорее свои подарки!

– Илья Сергеевич, да какие подарки, просто это моя посильная помощь в просветительской миссии во имя служения родному народу!

Поспешно вскрываю конверты с открытками и показываю их художнику. Но что это такое? Он, только мельком взглянув на них, молча повернулся и ушёл куда-то вниз по лестнице. “Во дела!” – думаю я встревоженно. Вскоре Илья Сергеевич вернулся с альбомом, который, как я знал, был издан ещё в далёкие советские годы. Открыв альбом на нужной странице, Глазунов поднёс к репродукции одну из открыток и подозвал меня:

– Иван Иванович, – упавшим голосом чуть ли не прошептал он, – посмотрите внимательно на репродукции в альбоме и сравните с принесёнными вами открытками, и вы всё поймёте сами.

Хоть в то время я ещё совсем не имел опыта работы с цветной печатью, но, посмотрев, сразу всё понял и, поняв, чуть не взвыл от досады! Цвета напечатанных на открытках репродукций совершенно не соответствовали оригиналам! Так сильно, как подвёл меня Пётр Алёшкин, ещё никто за всю жизнь меня не подводил! Бурю моего негодования прервал суровый, какой-то чужой, совершенно не известный мне прежде голос Глазунова:

– Вы сегодня знаете, что сделали? Вы сегодня плюнули мне в лицо! Сразу предупреждаю: если ваш друг Алёшкин открытки пустит в продажу, то я буду вынужден подать на него в суд! Место этому браку – на свалке!

Я от стыда был готов провалиться сквозь землю! Лицо пылало, сердце бешено колотилось, в горле стоял ком. Извинившись, я быстро оделся и вышел на улицу. В душе я одновременно чувствовал злость на опростоволосившегося частного издателя Петра Алёшкина и пусть небольшую, но обиду на художника! Ведь я так искренне хотел ему помочь!

7

К великому сожалению, даже в самой крепкой дружбе между двумя личностями с сильными, волевыми характерами жизнь не может протекать в равновесии и в покое, как равнинные, полноводные реки. Рано или поздно коса находит на камень...

В тот памятный день не знаю, какая муха меня укусила, или просто утром я встал не с той ноги, но вечером, находясь в гостях у великого друга, за ужином, протекавшим в умиротворённом, спокойном ключе, я сорвался. Илья Сергеевич Глазунов, как и много раз прежде, в деловом разговоре применил в отношении меня слово “должен”. Ну, применил да и применил, что тут такого, но вдруг, неожиданно для самого себя, я, как хорошо отлаженный двигатель, в душе завёлся с пол-оборота и, не скрывая этого, воскликнул:

— Илья Сергеевич, в этой суровой, не всегда честной жизни я строю свои деловые и личные отношения с людьми так, чтобы вовремя и в полном объёме оплачивать все свои счета, какими бы они большими ни были, поэтому никому, в том числе и вам, ничего не должен!

Ему бы тут, как более опытному, убелённому сединами человеку, промолчать, дать мне выговориться или постараться перевести разговор в другое русло, но, видно, и он тоже встал не с той ноги:

— Вы это серьёзно?

— Какая разница? Ибо для меня вообще не существует такого слова, как “должен”, а коль всё же оно существует, то я просто не считаю для себя важным использовать его в разговоре! Я предпочитаю ему другое — “обязан”, и то, если только речь идёт о нашем многострадальном Отечестве!

— Ну, а почему?

— А потому хотя бы, что, как сказал один очень известный поэт; “... Родину не выбирают”. А в результате того, что мне пришлось одно время очень часто подолгу бывать за границей, я на собственной шкуре убедился, что без земли, на которой родился, которая вскормила и вспоила своим богатырским жизненным молоком, любая душа, даже отступника или предателя, умирает, поскольку обрываются глубинные корни, которые питали её живительным соком Отечества! А без души нет и самого человека!

— А родители? Неужели вы и им ничего не должны или, как там по-вашему, — ничем не обязаны?

Я понимал, что, как проржавленная гайка, сорвался с резьбы, но остановиться уже не мог.

— Что родители? И им, конечно, тоже! Подумайте сами: два любящих друг друга человека по обоюдному согласию обзавелись ребёнком, к примеру, мной. Но ведь мог бы родиться кто-то другой, и не мужского, а женского пола. Хорошо, что благодаря вынесенной из страшных лишений и страданий воле, при напряжении всех своих духовных и физических сил, назло судьбе, я всё же стал вполне счастливым человеком! Но не желаю даже врагу пережить всего того, что пришлось пережить мне! Я по собственному убеждению помогаю другим, в первую очередь, — попавшим в беду. А если бы жизнь у меня не задалась вообще, я бы мучился ежедневно так сильно, что проклинал бы тот день, когда появился на свет! И получается, что если я был бы обязан родителям своей счастливой жизнью, то значит, должен был бы и за все несчастья, обрушившиеся на меня, как горный камнепад, проклинать день своего рождения, а значит, и их! Так, что ли? Нет, извините, не обязан делать ни первое, ни второе!

— Пусть будет так! Но чем тогда в остальных случаях, не относящихся к Отечеству, вы руководствуетесь в жизни?

— Убедением! И только убеждением! Поскольку любая слепая помощь, как и слепая любовь, кроме вреда, ничего принести не может!

В таком духе я говорил, говорил и говорил. А Илья Сергеевич в ответ старался переубедить меня, как мог, когда мои суждения казались ему особенно неверными. Слава Богу, что в споре мы не перешли на крик и ругань.

По привычке я посмотрел на часы и ахнул! Время уже давно перевалило за полночь. Метро уже не работало, и я подумал: “Ладно, поймаю какое-нибудь такси или доберусь до дома пешком, тем более что ходьба является одним из самых моих любимых увлечений!” Одновременно с этим я почувствовал страшную усталость, как будто не языком болтал, а разгружал вагоны со щебнем. Видимо, поэтому сознание моё притупилось, желание спорить и во все пропало. Какое-то ещё не совсем понятное чувство вины за своё не слишком умное поведение стало закрадываться в мою душу. Мне захотелось как можно скорее встать и уйти!

Поблагодарил за вкусный ужин Инну Дмитриевну, которая, к своей женской чести, за всё время спора между двумя мужчинами не проронила ни сло-

ва. По лестнице спустился на первый этаж в переднюю. Быстро надев пальто и шапку, направился к входной двери и, открыв её, уже вышел за порог, но Илья Сергеевич, всё это время неотступно молча следовавший за мной, вдруг окликнул:

– Иван Иванович, в отличие от вас я просто *должен* в такое позднее время доставить своего друга до дома!

И показав рукой на свой “мерседес”, стоящий у крыльца, попросил сесть. Его просьба была произнесена таким напряжённым, тяжёлым голосом, что я испугался за здоровье друга и тотчас согласился:

– Илья Сергеевич, не волнуйтесь, я, как всегда, с радостью принимаю ваше предложение! До свидания! И спокойной ночи!

– И вам, Иван Иванович, хорошо выспаться...

Конечно, я понял, какой смысл был заключен в его пожелании “хорошо выспаться...”, но самообладание и здравый смысл снова вернулись ко мне. Уже подъезжая к дому, я вспомнил, что однажды, в далёком прошлом, одна очень известная ясновидящая предсказала мне будущее: “Вы должны твёрдо знать, что ваш жизненный путь усыпан не розами, а камнями с очень острыми гранями, каждый шаг по ним – через собственную боль, кровь, страдания, но не смерть, ибо до конца жизни вас будет охранять путеводная, исполненная надежды звезда. Уверовав в неё, вы достигнете многого, в том числе и в творчестве! Главное для вас – как бы вы больно ни падали, во что бы то ни стало вставать и идти дальше!”

А что – всё верно предсказала! Но всё же я обратился к Господу: “Ну, почему в этот вечер Ты отвернулся от меня, ну, почему?!”

Понимая, что из “мерседеса” вряд ли я услышу голос Всевышнего, ответил себе сам: “Да чтобы в следующий раз не совершить более серьёзной, может быть, даже самой трагической ошибки...”

Но, слава Богу, жизнь на месте не стоит, одни события следуют за другими, радости чередуются с горестями – и время, в конце концов, лечит душу. Да и кто старое помянет, тому глаз вон! Главное – не заклиниваться на неудачах, учиться на своих и чужих ошибках.

8

Благодарная жизнь предоставила мне ещё один случай помочь художнику. Илья Сергеевич давно страстно хотел издать отдельным изданием полное собрание своих икон. Я снова вызвался принять в этом ответственном мероприятии самое активное участие. Но при обсуждении макета будущего альбома поставил условие:

– Илья Сергеевич, мы с друзьями профинансируем издание собрания икон, если вы лично будете, образно говоря, ночевать у печатной машины!

– На это я согласен! Только я не могу на длительное время оставить Академию и музей, да и новые работы надо заканчивать.

– Значит, надо найти типографию непосредственно в центре Москвы, но такую, чтобы её печатные мощности смогли выдать “на-гора” репродукции высокого качества, по крайней мере, не хуже, чем, скажем, в Финляндии, в Словении или в Италии!

– Иван Иванович, такая типография есть, это на улице Валовой – Первая образцовая типография. Её директор – мой старый знакомый... Это совсем недалеко, поэтому, как вы выразились, “ночевать у печатной машины” я смогу когда угодно и сколько угодно! Лишь бы издать, дорогой ты мой друг, лишь бы издать!

Скажу честно, я хоть и крещёный, хоть и верующий, но, к своему несчастью, в вопросах религии небольшой знаток. На издание собрания икон меня подвигло сознание, что человеческая душа Создателем устроена так, что она не может жить без веры в Бога, в святыни, которыми являются и старинные иконы. В предисловии к альбому Илья Сергеевич приводит высказывание Иоанна Дамаскина, жившего в восьмом веке: “Икона является для зрения тем, чем является слово для слуха. Она – божественное явление, и её символическая сущность даёт нам представление о Божестве. Я иду в церковь, которая есть прибежище души, я смотрю на святые иконы, и моя душа просвещается”. Здесь, как говорится, комментарии излишни. Остаётся одно: служить вере Православной, Создателю всего сущего до конца дней своих.

Альбом с репродукциями икон, собранных Ильёй Сергеевичем Глазуновым, под названием “Русская икона” вышел в свет в 2006 году. Не знаю точно, сколько духовных и физических сил отдал поборник святости сему изданию, но по содержанию и по качеству собрание является настоящим художественным и печатным шедевром. И его значение в возрождении русского православного духа трудно переоценить! И я счастлив, что в этом великом миссионерском деле есть и моё участие. Не зря же волей Ильи Сергеевича на титульном листе напечатано красными буквами: “Выражаю признательность за издание этой книги Ивану Ивановичу Переверзину”.

9

Замысел картины “Раскулачивание” родился у Глазунова ещё во времена его учения в Ленинградской академии. Замысел смелый, я бы сказал, для тех лет даже дерзкий! Естественно, приступить к его осуществлению тогда было просто невозможно! Осведомители, которые в то время были во всех областях культуры, в том числе и в художественной, и в писательской среде, тут же донесли бы, куда надо.

Но почему именно Глазунову пришёл в голову этот грандиозный замысел, а не кому-то другому? Да потому, что раскулачивание – это прямой геноцид, устроенный властью против своего российского народа. Как патриоту, который любит своё Отечество, не отозваться на безмерную несправедливость?

Но надо было пройти почти половине столетия, чтоб появилась возможность реализовать дерзкий замысел художника. Его воплощение в картину происходило практически на моих глазах. Помню большого размера – 3,5 на 6 метров – белое, натянутое на тяжеленный подрамник, совершенно пустое полотно и стоящие возле него специальные, выполненные из легкого металла стремянки, без которых при написании такой большой картины никак не обойтись. Потом стал наноситься рисунок. И вот, когда он был полностью нанесён на полотно, я вместе с женой Светланой поднялся на так называемый смотровой балкон, окинул неспешно внимательным взглядом всё полотно – и ахнул! Ай да Илья Сергеевич! Зачем я потратил столько сил на чтение исторических работ о том страшном времени? Ведь на вашем полотне вся история раскулачивания лежала передо мной, как на ладони!

Спустившись в гостиную, потрясённый до глубины души увиденным ещё только в рисунке, я сразу сказал Глазунову, ожидавшему меня за столом с таким видом, как будто он никакого отношения к картине не имеет: “Илья Сергеевич! Дай Бог вам сил закончить эту великую по содержанию работу!”

Что же конкретно изображено на картине? Во-первых, на двух передних планах – огромное количество персонажей; одни – бедняки, голытьба, никогда не имевшие хотя бы клочка земли, на котором бы до десятого пота трудились, и потому, прельстившись лозунгом “Земля – крестьянам!”, охотно с пустыми руками вступившие в колхоз. Теперь они с красными флагами пришли смотреть, как других насильно – под ружьём! – вместе со всем имуществом загоняют туда же.

Их ведут под конвоем, грузят в вагоны, где обычно перевозят скот. И свободная жизнь, полная труда и заботы о родной земле, для них оборачивается ссылкой на поселение в специальные трудовые концентрационные лагеря, спешно построенные под командой чекистов на суровом Севере!

Очень символичен трагический эпизод, где в парнишку лет пяти-шести, когда ещё человек не в состоянии верно судить о происходящем или принимать какие-то самостоятельные решения, просто из чисто детского любопытства забравшегося на берёзу, но ставшего невольным свидетелем творящегося произвола, один из рядовых чекистов целится из винтовки. Однако то ли отец, то ли просто смелый крестьянин обеими руками схватился за топор, высоко вознёс его и вот-вот обрушит на голову преступника! При виде этой страшной сцены невольно хочется крикнуть смельчаку: “Только не опоздай! Не дай случиться горю!”

Во-вторых, в самом центре картины, как мне кажется, происходит главное действие: по воле голытьбы, привлечшей в помощь себе чекистов, одетых в кожанки, с маузерами на боках, разрушается не просто очередной храм, который стараются защитить от нехристей при помощи икон священнослужители, а самый фундамент, на котором стоит дух народный, – право-

славная вера. Прекрасно понимая это, настоятель храма, упав на самую большую икону, судорожно вцепился в неё с такой силой, что не оторвать! Если уж суждено погибнуть от рук нехристей, то вместе со святыней!

В-третьих, на дальнем плане, за рекой, по которой буксир, дымя чёрным угольным дымом из высокой, скошенной немного к корме трубы, ведёт большую деревянную баржу с запертыми в трюме кулаками, горит белокаменный православный монастырь, тот, который, возможно, дважды посещал Лев Толстой в поисках примирения с церковью, ибо он мятущейся душой понимал, что только верой в Создателя, как ничем другим, крепок дух народный!

10

Ещё один памятник, теперь уже не “рукотворный” – писательский – создал Илья Сергеевич Глазунов, написав большую по объёму, а главное – глубокую по содержанию книгу “Русь распятая”. Действительно, если человек велик, то во всём! В популярном журнале “Наш современник”, редактируемом Станиславом Юрьевичем Куняевым, тоже великим патриотом земли русской, рукопись этого выдающегося произведения была радушно встречена и сразу же напечатана в нескольких номерах. В результате чего в мерзкие, лихие девяностые тираж журнала не только удержался на высоком уровне, но и вырос. Это говорит о том, что мысли и суждения великого художника нашли живой отклик в душах многих и многих постоянных читателей журнала.

Сегодня это произведение выдержало уже несколько переизданий, стало буквально настольным путеводителем по истории России и откровением удивительной биографии автора для многих и многих истинных патриотов земли Российской. Пройдя долгий жизненный путь, наполненный до предела подвижнической деятельностью, встречаясь со многими сильными мира сего, художник накопил огромный материал для написания мемуаров. И это не просто воспоминания. Читая эти мемуары, профессиональные писатели разделились на два лагеря: одни хвалят, по достоинству воздают автору за его труд литератора и историка, другие, понимая, что написать на таком же высоком художественном уровне у них кишка тонка, – поносят, как только могут! В связи с этим вспоминается крепкая пословица: “Собаки лают, а караван идёт!”.

Но из всех глазуновских подвигов самый значительный для России, её будущего – это организаторско-преподавательский! Ещё возглавляя в Суриковском институте мастерскую портрета, несмотря на стоящее на дворе страшное время, которое принято называть перестройкой, а на самом деле ставшее катастрофой для России, Глазунов раньше всех осознал, что без создания нового высшего учебного заведения, в котором можно было бы с чистого листа приступить к возрождению классической школы европейской и российской живописи, будущего у талантливой молодёжи нет.

И он был прав, поскольку уже к тому времени и институт имени Сурикова, и репинская Академия в образовательном процессе с каждым годом всё дальше и дальше скатывались с высоких позиций классической реалистической живописи в трясину западного левого искусства, а попросту – авангарда, а ещё проще – к кубикам-рубикам...

Глазунову справедливо хотелось, чтобы создаваемая им новая Академия живописи разместилась в здании, построенном по проекту великого русского архитектора В. И. Баженова в конце восемнадцатого века. Это здание по распоряжению императора Николая I было специально выкуплено царским правительством для размещения в нём созданного в 1843 году Училища живописи, ваяния и зодчества. Сегодня мы с гордостью произносим имена учившихся и преподававших в этом храме искусства великих художников В. Г. Перова, А. М. Васнецова, В. А. Серова, М. В. Нестерова, А. К Саврасова, И. И. Левитана и многих, многих других.

К сожалению, после революции это славное учебное заведение было ликвидировано. Много позже – в годы Великой Отечественной войны – здание, в котором оно размещалось, было сдано в аренду более чем двадцати государственным учреждениям, конечно же, никакого отношения к живописи не имеющим.

Удивляет не только сам факт грандиозного глазуновского замысла, но и то, что к реализации его художник приступил в предпенсионном возрас-

те – в 56 лет. Сам Илья Сергеевич об этом вспоминает так: “Когда я пришёл на очередное занятие к студентам (а ходил я очень часто, чуть ли не каждый день), меня попросили зайти к ректору, скульптору Павлу Ивановичу Бондаренко. Он уважительно терпел моё присутствие в своём институте, но мы не были с ним в близких отношениях. Он предложил мне сесть за свой ректорский стол и приступил прямо к делу:

– Илья Сергеевич, что ты хочешь получить: insult или инфаркт?

Я искренне не понял его вопроса:

– Как понять ваши слова, Павел Ильич?

– Я прослышал, что ты благое дело задумал, раз тебя, как, впрочем, и меня во многом не устраивают государственные порядки нашего Суриковского. Отвечаю на твой вопрос: такие люди, как Вучетич и Томский, мой учитель, – гиганты, не чета нам, – пытались вернуть этот дом художникам, – он язвительно засмеялся, – ничего у них из этого не получилось, не смогли они выкурить 22 учреждения, в одном из которых ещё Сахаров работал.

– Павел Иванович, – сказал я решительно, – я сделаю всё, чтобы их вышибить и вернуть это здание молодым художникам.

Мой ректор улыбнулся:

– Давай, давай. “Безумству храбрых поём мы песню!..”

Я сам – по первой профессии строитель – могу похвастаться, что по моим проектам в родной Якутии построено более пятидесяти объектов промышленного и гражданского назначения, но тем не менее, вслед за П. И. Бондаренко, не могу не удивляться тому, что своё слово Глазунов сдержал! Действительно, высшее руководство советского государства в лице М. С. Горбачёва, Е. К. Лигачёва и А. Н. Яковлева подписало в августе 1986 года постановление о создании Российской Академии живописи, ваяния и зодчества. Все 22 государственных учреждения были переселены по другим адресам, и на деньги, выделенные по распоряжению Н. И. Рыжкова, тогдашнего председателя Совета министров, итальянская фирма “Кодест” начала реконструкцию интерьера по глазуновским эскизам. В результате, как пишет сам ректор: “Из руинно-аварийного состояния я создал тот храм русского искусства, о котором мы все мечтали”.

О высоком уровне сплотившегося вокруг него преподавательского состава, о содержательности учебных планов, по которым в Академии имени Глазунова обучаются молодые художники, готовые к написанию значительных полотен всех жанров, известно всем. Если, к примеру, работникам администрации президента или депутатам необходим для подарка портрет, они, не раздумывая, заказывают его у кого-нибудь из преподавателей глазуновской Академии.

Вспоминается рассказ Ильи Сергеевича: “В один из дней своего председательства в Совете министров Академию посетил Виктор Степанович Черномырдин. Я, уважительно встретив его, провёл по всем коридорам заведения, на стенах которого развешаны дипломные работы выпускников. Узость коридоров, их слабое освещение не помешало Председателю правительства хорошо рассмотреть художественные работы и прийти в искреннее удивление:

– Илья Сергеевич! Вы что, специально к моему визиту привезли картины из Третьяковской галереи?

– Виктор Степанович! Упомянутый вами музей никакого отношения не имеет к вашему посещению стен Академии. Все картины, которые были представлены вашему взору, являются дипломными работами наших выпускников! Но, как вы сами убедились, это же непорядок – развешивать такие замечательные работы в коридорах, им место в музее, который, кстати, в царское время был построен, а в советское, извините, разрушен. Развалины его до сих пор лежат во внутреннем дворе, можете убедиться, просто взглянув в окно.

– А почему не восстанавливаете или не строите новое здание для музея?

– Так всё дело упирается в отсутствие денег, дорогой Виктор Степанович!

– Хорошо! Вопрос о выделении необходимых средств Академии я поставлю на заседании правительства. Думаю, решение будет положительным, – пообещал премьер.

Однако, как показало время, данное слово он не выполнил! И продолжают руины бывшего музея свидетельствовать о чёрствости и недалёковидности нынешних властей предрежащих. А все новые прекрасные дипломные работы в связи с тем, что свободных мест не осталось даже на коридорных

стенах, теперь просто складываются штабелями где только можно. Горько и обидно!

Я вот уже более двадцати лет собираю живописные работы современных художников, продолжающих хранить верность классической школе реализма, и от себя могу добавить: если в настоящее время организовать и провести выставку дипломных работ выпускников хотя бы одного из последних выпусков всех трёх вузов: имени Сурикова, имени Репина и имени Глазунова, – то любитель и ценитель живописи будет одновременно восхищён мастерством художников, закончивших “Глазуновку”, и огорчён низким уровнем работ многих выпускников и “Суриковки”, и “Репинки”.

11

В годы, когда Илья Сергеевич преподавал в Суриковском институте, заведу мастерской портрета, существовала порочная система набора молодых людей, пожелавших овладеть профессией художника. Во все республиканские министерства образования, за исключением российского, спускалась пресловутая разрядка, молодые люди, включенные в неё, чуть ли не автоматически становились полноправными студентами, если даже экзамены по общеобразовательным предметам сдавали на тройки. Абитуриентам из России, особенно живущим в глубинке и по этой причине не имеющим возможности закончить созданную при институте среднюю художественную школу, можно было поступить только в двух случаях: если молодой человек обладал талантом не ниже Фёдора Васильева или по звонку министра образования СССР!

Илья Сергеевич об этом вспоминает: “Началась перестройка, но всё шло по-старому, и я помню, как во время защиты дипломов на живописном факультете Суриковского института даже многие “интернационалисты” кричали: “Господи, киприоты, африканцы, корейцы, азербайджанцы!.. Когда же русские дипломники появятся...”

Сегодня в своей Академии ректор очень придирчиво относится к подбору преподавательского состава. В основном, в нём сейчас числятся выпускники мастерской портрета Суриковского института, то есть его лучшие ученики. Но Глазунов смотрит дальше. С целью пополнения и обновления преподавателей по его просьбе министерство образования создало при Академии аспирантуру, куда после строгого экзаменационного отбора зачисляются лучшие выпускники, ставшие настоящими художниками. После окончания многие из них становятся преподавателями родного учебного заведения, и уже сами передают молодым талантам секреты мастерства. Для Ильи Сергеевича очень важно, чтобы его питомцы являлись настоящими патриотами Отечества. При этом он понимает, как важна для укрепления международного авторитета России работа его учеников за границей. Он с гордостью говорит об Алексее Стиле, возглавившем Общество реалистов Лос-Анджелеса, об Олеге Супереко, которого итальянцы называют современным Тинторетто, о Царьковой – главном художнике Ватикана.

Потому-то ему и бывает больно, когда талантливые ученики ради денежного достатка предадут принципы патриотизма, полученные от учителя, и не дают истинных знаний молодёжи. В один из августовских выходных дней звонит Илья Сергеевич и расстроенным голосом просит меня подъехать. Приезжаю. Глазунов ведёт меня в библиотеку, где показывает художественный альбом внушительного объёма, в суперобложке, и раздражённо, с обидой говорит:

– Полюбуйся!

– Чем любоваться-то? Альбом как альбом!

– Да нет, Иван Иванович! Это не простой набор репродукций, это мой позор!

После таких слов, конечно, я уже не мог не подойти к столу и не взять альбом в руки. На лицевой стороне обложки, на фоне здания созданной моим другом Академии красуется фотография Михаила Шанькова, заведующего кафедрой рисунка.

– Иван Иванович, вы не обложкой любуйтесь, а откройте альбом там, где я специально для вас закладку заложил! – нервно говорит Глазунов.

Послушно открываю, смотрю и ахаю:

– Мать честная, он что, этот Шаньков, сдурел, что ли!?

– Нет, он предал меня, предал Отечество! – восклицает Илья Сергеевич.

И я вынужден был согласиться с ним, ибо написание картины о паническом бегущем, разгромленном под Нарвой русском войске с торжествующим на переднем плане шведским королём Карлом XII, заклятым врагом России, иначе как предательством назвать было нельзя. Скорее всего, я бы об этом не вспомнил, если бы в очередной раз не был приглашён на ректорский просмотр. Приехав немного раньше назначенного времени, захожу в Академию и сразу же от двери вижу выстроившихся в ряд преподавателей – все ждут ректора. Ровно в два часа Илья Сергеевич порывисто открывает дверь и, спустившись по ступенькам в холл, подходит к нам, каждому доброжелательно жмёт руку и тут же приглашает следовать за ним. Ректорский просмотр начался! В этот раз, к своему сожалению, я как создатель галереи современной живописи смог отметить для себя только один портрет и два пейзажа, написанные двумя талантливыми студентками. При просмотре ещё в то время не законченных полностью дипломных работ Илья Сергеевич вдруг спросил автора портрета:

– Скажите, пожалуйста, а почему вы решили написать этого артиста?

– Потому что он мне нравится, – несколько сконфузившись, ответила художница.

– Хорошо! Тогда назовите хотя бы один созданный им образ, которым могла бы гордиться Россия. А ещё лучше будет, если вы расскажете о его судьбе.

Выпускница, как ни старалась, ничего конкретного ответить ректору не смогла. Тогда он сказал: “Нельзя приниматься за написание портрета, не познакомившись глубоко с жизнью портретируемого, с его вкладом в русское искусство! В противном случае вы никогда не напишете его взгляда, как известно, говорящего о человеке и о его отношении к жизни больше и красноречивей всяких слов! Но главное – вы не создадите художественного образа, ради чего и взялись за кисть!”

В мастерской исторической картины Глазунова заинтересовала дипломная работа на библейские мотивы. Автор её – сухощавый, нервно комкающий в руках тряпку со следами свежей краски молодой человек – начал было рассказывать о замысле картины, но Илья Сергеевич вежливо его остановил, быстро снял красивый представительский, с иголки, пиджак, завернул до локтей сверкающие белизной рукава накрахмаленной рубашки и, ничего не говоря, широкой кистью стал быстрыми движениями вносить исправления в картину, конечно, в своей манере письма. И дипломная работа преобразилась! Дипломнику теперь оставалось только сфотографировать её и, смыв краску, нанесённую мастером, уже в своей технике, сверяясь с фотографией, переписать исправленные места. Я был потрясён и тем, как одним взглядом Глазунов выявил неверно написанные куски полотна, и тем, как быстро, пусть и в своей манере, он исправил их!

После окончания просмотра ректор быстрыми шагами направился в свой кабинет, чтобы там вместе с преподавателями подвести итоги: кого-то похвалить, а кого-то и пожурить. На лестничной площадке я остановился и стал пропускать вперёд художников, старающихся не отстать от Глазунова. И вдруг слышу у себя за спиной голос Михаила Шанькова: “Володя, ты понял, насколько низкого качества работы молодых? Так что нам с тобой можно спокойно ещё несколько лет не опасаться никакой конкуренции со стороны студентов...”

Я повернулся и увидел, что Шаньков обращался к Штейну, очень талантливому художнику. Он, встретив мой взгляд, немного смутился, зато его коллега посмотрел на меня самоуверенным взглядом неумного человека. Мне очень многое хотелось сказать по поводу его дикого высказывания, но я только презрительно бросил в лицо Шанькову: “Мерзавец!”

И правда, о чём можно рассусоливать с преподавателем, который после просмотра должен был бы обливаться горькими слезами раскаяния, ибо его прямой долг – учить с самого первого курса талантливую молодёжь, уже хотя бы потому, что он деньги за это получает! Впрочем, чему может научить молодых художников человек, сам до конца так и не ставший настоящим мастером?! Оказывается, он был известен среди студентов ещё и тем, что присваивал чужие творческие замыслы! Одна обиженная художница рассказывала нам, что картина о молодом Пушкине списана заведующим кафедрой рисования с её этюда. Говорят, недавно Михаил Шаньков выпустил отдельной книгой свои мемуары-воспоминания. Интересно было бы почитать. Хотя – нет!

Что путного может написать человек, написавший картину о разгроме русских под Нарвой, забывший глазуновские уроки патриотизма! Практически в это же время при очередном нашем со Светланой посещении Академии Ильи Сергеевич лично проводил нас в мастерскую, как он сказал, очень талантливого художника Павла Рыженко, познакомил нас и оставил наедине. Для чего он это сделал, для меня до сих пор остаётся загадкой, ибо им самим мне было разрешено беспрепятственно заходить ко всем преподавателям-художникам в любое время, включая и выходные. Во время показа некоторых законченных картин Павел поведал, что после окончания под руководством Ильи Сергеевича Академии он решил попытаться художественного счастья в Америке, но из этого предприятия ничего хорошего не получилось: он вернулся в родное Отечество без гроша в кармане. Но и на Крымском валу написанные им картины если и продавались, то очень плохо и дёшево. Вырученных денег едва хватало, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Вдруг судьба подарила ему встречу с учителем, и тот, узнав о бедах ученика, тут же пригласил его в свою Академию на должность преподавателя и выделил ему отдельную мастерскую.

Во время нашей встречи Павел Рыженко о своих коллегах по Академии говорил так, что получалось, будто одарённой него никого нет! Слушать такое о тех, чьи высокие художественные способности никаких сомнений не вызывают хотя бы потому, что ректор доверил им учить студентов, было, мягко говоря, неудобно. И мы с женой ушли озадаченные. И всё-таки я решил заказать художнику картину. Но когда пришёл за работой, то увидел, что ему активно помогает писать новое полотно один весьма талантливый студент старшего курса. Я откровенно удивился:

– Павел, ты что, взял себе соавтора?

– Да нет! Молодой человек просто помогает...

– Как помогает, когда он пишет самые главные куски в картине! Это не помощь, это соавторство!

И тут “гениального” “благодарного” художника прорвало:

– А вы, Иван Иванович, думаете, что Глазунов сам написал свои последние картины?

– Конечно, сам! Кто же ещё?

– Ошибаетесь! Это мы, преподаватели, приходим к нему в мастерскую и пишем. Сами посудите, что путного можно написать в таком преклонном возрасте!

– Слушай, Павел, ты в своём уме? Или у тебя крыша поехала от успешных выставок, которых без помощи, как ты говоришь, *благодетеля* не было бы никогда! Да я и сам свидетель того, что с возрастом талант Ильи Сергеевича не только не ослаб, но ещё и окреп! Свинья ты, Паша, больше никто!

И, хлопнув дверью, я с колотящимся от возмущения и обиды за своего друга сердцем вышел, чтобы уже никогда не заходить в эту мастерскую!

А совсем недавно по телефону разговаривал ещё с одним “гением” – Костей Мирошниковым:

– Иван Иванович, вы были на последней выставке Павла Рыженко? – спрашивает он.

– Нет, не был!

Словно не уловив раздражённый тон моего ответа, Мирошников продолжал:

– Какая жалость! Ведь в настоящее время художника, равного Рыженко, по моему глубокому убеждению, нет!

Я не стал вступать с ним в бесполезный спор, а просто спросил его:

– Ответь, пожалуйста, может ли вообще любой ученик, предавший своего учителя, быть не то что художником, а просто порядочным человеком?

Прекрасно понимая, о каком учителе идёт речь, Костя тем не менее тут же твёрдо ответил:

– Конечно, может!

– В таком случае, прошу тебя больше мне не звонить, а если мы где-нибудь в обществе настоящих художников окажемся, то не подходи ко мне, ибо я никогда не подам тебе руки! Будь здоров!

Положив трубку телефона, я подумал: “Почему и этот человек, исключительно благодаря доброму сердцу Ильи Сергеевича, а не своему таланту, в конце концов, получивший диплом художника, несёт полную чушь? Завидует его всемирной славе? Или просто неудачник?”

За примерами далеко ходить не надо. Возьмём ту же писательскую среду. Кто из действительно настоящих поэтов, прозаиков и критиков занимается многолетним неправым сутяжничеством со своими коллегами, рассылкой клеветнических доносов в разные инстанции, в том числе и в правоохранительные, кто в газетных публикациях или в телевизионных выступлениях ради приватизации общеписательского имущества нагло белое называет чёрным, а чёрное — белым? Никто!

Потому что для настоящих писателей главной всегда остаётся одна цель: писать талантливую правду. А для этого, кроме таланта, ещё необходимо иметь порядочность, совесть, человеколюбие. Но те, у кого с этим — просто беда и кто называет себя писателем, пользуясь своим служебным положением, или кто на изломе эпохи своей писаниной стал поносить всё национально-патриотическое, всё героическое, — такие перевертыши чувствуют себя в этих мерзких делишках, как рыба в воде.

Как тут не вспомнить слова поэта: “Добро должно быть с кулаками...” Да, должно! Ради того, чтобы зло окончательно не восторжествовало.

А своему другу Глазуну сразу же после открытия государственного музея его имени я сказал: “Илья Сергеевич, мне кажется, что большего безусловного признания ваших заслуг и родным народом, и государственной властью, чем воздвижение и открытие прижизненного памятника, быть не может! Что же касается ваших злопыхателей, то где вы, а где они? Вы — на самой высокой в мире, сияющей в лучах мировой славы вершине, а они — в такой глубокой безвестности, что нам даже при помощи самого мощного телескопа их не углядеть”.

Живи как можно дольше со счастливым сознанием своего величия!